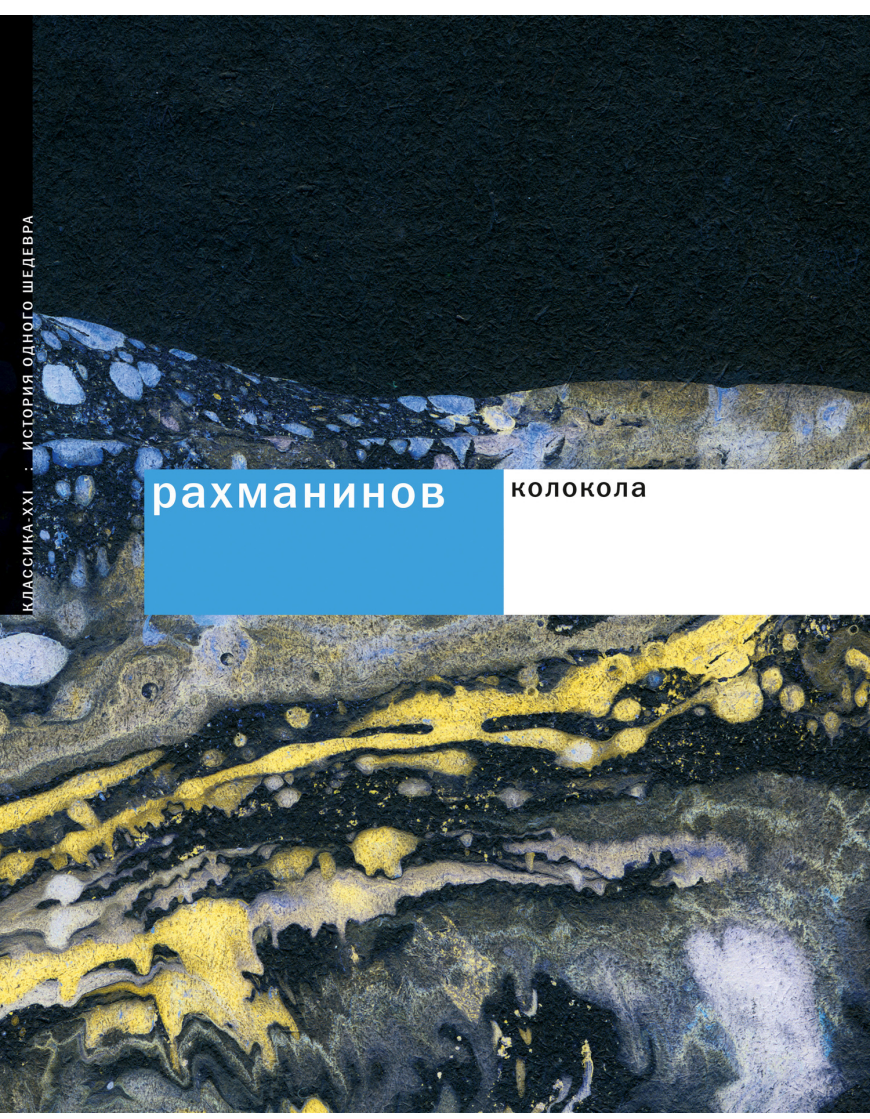

КЛАССИКА ХХІ · ИСТОРИЯ ОДНОГО ШЕДЕВРА

рахманинов

колокола

Жанна Панова
Рахманинов. Колокола
Серия «История одного шедевра»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48481964

Рахманинов: Колокола: Издательский дом «Классика-XXI»; Москва;

2008

ISBN 978-5-89817-265-7

Аннотация

«Говорил, что будет только играть, а сочинять бросит, т. к. лучше “Колоколов” все равно ничего не напишет». Эта запись в дневнике Мариэтты Шагинян – убедительное свидетельство того, насколько дорога была эта поэма Сергею Рахманинову. В начале 1930-х годов в беседе со своим биографом Оскаром фон Риземаном композитор, вообще крайне скупой на признания, подтвердил: «Это произведение, над которым я работал со страстной увлеченностью, я люблю более всех прочих своих сочинений». При его обыкновении незаслуженно охладевать ко многим своим творениям по прошествии времени такое постоянство в оценке «Колоколов» говорит о многом...»

Содержание

Сокровенные мысли о жизни и смерти	5
1/ «“Колокола” я люблю более всех прочих своих сочинений...»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Жанна Панова

Рахманинов. Колокола

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Панова Ж. В., текст, 2008

© Издательский дом «Классика-XXI», 2008

* * *

«Самые разнообразные сорта и размеры “знаменитых” русских колоколов привлечены сюда, начиная от серебристых колокольчиков ямщицких троек и кончая “знаменитыми” московскими “сорока сороков”. Звонят на самые разнообразные лады: ласково и нежно, уверенно-спокойно, торжественно-мерно, тяжело-похоронно, наконец с отчаянием, ужасом и тревогой перед надвигающейся стихийной катастрофой».

Из рецензии на исполнение «Колоколов» в газете «Вечерняя Москва» от 9.III.1931

Сокровенные мысли о жизни и смерти

Жанна Панова

1/ «“Колокола” я люблю более всех прочих своих сочинений...»

«Говорил, что будет только играть, а сочинять бросит, т. к. лучше “Колоколов” все равно ничего не напишет». Эта запись в дневнике **Мариэтты Шагинян** – убедительное свидетельство того, насколько дорога была эта поэма **Сергею Рахманинову**. В начале 1930-х годов в беседе со своим биографом **Оскар фон Риземаном** композитор, вообще крайне скупой на признания, подтвердил: «Это произведение, над которым я работал со страстной увлеченностью, я люблю более всех прочих своих сочинений». При его обыкновении незаслуженно охладевать ко многим своим творениям по прошествии времени такое постоянство в оценке «Колоколов» говорит о многом.

В этой поэме отразились сокровенные мысли о жизни и смерти, о родине, о судьбе. Исповедальность в сочетании с крупной формой дает поразительный эффект: пережитое

лично становится символом эпохи.

В «Колоколах» нашли свое яркое выражение многие черты глубоко самобытного стиля Рахманинова, отличающегося внутренней цельностью и органичностью: сила и острота контрастов, крайняя экспрессия и энергия в выражении эмоций, неповторимое сочетание лирического «половодья чувств» и действенного волевого начала, энергия и динамика ритма, мелодическое и гармоническое богатство при явном предпочтении минорного колорита. Но, пожалуй, наиболее многоцветно и полно здесь воплощена стихия колокольных звонов.

Колокола на Руси издавна называли патриархами земли русской. В ударах звонной меди слышался призыв к соборности и глас Всевышнего. В их музыке голос родины звучал как некое мистическое откровение. Россия рахманиновского времени немыслима без перезвона колоколов – торжественно-ликующих, радостно-праздничных или скорбно-трагических. Разнохарактерные звоны гудят и «стелятся» на страницах произведений А. Гаришина, В. Короленко, И. Шмелева. Только в Москве тогда насчитывалось до 1700 колоколов. Да и малая родина Рахманинова – северный новгородский край – издавна славилась своей звонильной традицией. В русской музыке к колокольным образам обращались М. Мусоргский, Н. Римский-Корсаков и другие авторы. А. Скрябин в своей Мистерии отводил

важнейшую мистическую роль симфонии звонов. Но только у Рахманинова колокольность становится неотъемлемой чертой стиля.

Известно, что каждый колокол обладает своим, индивидуальным голосом – неисчислимым множеством обертонов-призвучков, расцвечивающих основной тон радужными красками. **Рахманинов**, обладающий феноменальной музыкальной памятью (например, он мог воспроизвести спустя долгое время однажды услышанную новую симфонию), наверняка помнил неповторимый колорит звонов новгородских храмов и монастырей. Поэзия колокольных звучаний привлекает его с юности и пронизывает почти все композиции. Фантазия («Картины») ор. 5 для двух фортепиано (1893), по утверждению **Л. Д. Ростовцевой-Скалон**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.